

М.Д. ЧУЛКОВ — В.Т. НАРЕЖНЫЙ: КОМПАРАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Изучение особенностей творчества писателя и его влияния на прозу последующих эпох выдвигают перед исследователями ряд вопросов, связанных с определением значения его произведений для всего литературного процесса, с установлением форм контакта и особенностей этого воздействия. Сущность “наследия” заключается в том, что “эстетические ценности, воплощенные в произведениях, обогащают сознание последующих поколений” [2, 70]. Настоящая оценка произведений минувших эпох определяется временем. Связь времен способна сохранить и широко отразить тот процесс общения, который заключен в произведениях великих писателей. Их художественные открытия, возникшие при изучении явлений своей эпохи, являются реальной предпосылкой обращений писателей к последующим поколениям. Великие произведения на протяжении своей жизни обогащаются новыми значениями, новыми смыслами, перерастая то, чем они были в эпоху создания. Попытаемся провести компаративный анализ творчества М.Д.Чулкова и В.Т.Нарежного, которые смогли обогатить сознание поколений читателей и исследователей многоаспектной характеристикой XVIII и XIX столетия, данной на страницах романов «Пересмешник» и «Российский Жилблаз».

Малоизученные нравоописательные романы В.Т. Нарежного, первым из которых стал «Российский Жилблаз» (1814), стали своеобразным промежуточным звеном между нравоописательной прозой Ф.Эмина, М.Чулкова, В.Левшина, с одной стороны, и писателями гоголевского направления, с другой [4]. Романы В.Нарежного, композиционно близкие авантурным романам, не нашли должного отклика у современников. Высокая оценка В.Нарежного-романиста впервые была дана В.Белинским, назвавшим его писателем “с замечательным и оригинальным талантом”, позволившим ему занять место одного из “предшественников” Н.Гоголя.[1, 642]

В 1809 году издается первая книжка В.Нарежного «Славенские вечера», где он обратился к героическому прошлому, к историческим образам. В повестях «Рогдай», «Велесил», «Громобой», «Ирена» писатель изобразил богатырей Киевской Руси, наделив их романтическими и чувствительными чертами.

«Славенские вечера» близки «Славенским сказкам» М.Чулкова и по названию, и по композиции: сборник В.Нарежного состоит из повестей — вечеров, у М.Чулкова Ладон и Монах рассказывают по вечерам сказки. Оба писателя стремились воссоздать историю славян, художественно ее осмысляя.

Сближает В.Нарежного и М.Чулкова сходность писательской судьбы. Ни литературная, ни журналистская деятельность не принесли материального благополучия М.Чулкову. В 1770 году писатель причислился канцеляристом в Правительствующий Сенат, где он за десять лет дослужился до чина коллежского ассессора, а вместе с ним и получил потомственное дворянство.

В.Нарежный вынужден был уйти в отставку, чтобы заняться литературной деятельностью. В 1814 году выходят первые три части «Российского Жилблаза», а три последних (4-6) — были запрещены полицией. Запрещение романа настолько болезненно отозвалось на писателе, что он решает опять поступить на службу в инспекторский департамент военного министерства, отказавшись от надежды посвятить себя полностью литературной деятельности [4, 85-99].

Литературные судьбы романов «Российский Жилблаз» и «Пересмешник» тоже во многом схожи. Возможно, предвидя препятствия со стороны цензуры, В.Нарежный печатал первую половину романа в трех типографиях, причем раньше вышла третья часть. Книга преследовалась, а три последующие части были запрещены из-за смелого описания нравов современного автору общества, где процветали лесть, ханжество, разврат и казнокрадство.

Нарежный не побоялся дать истинную характеристику крепостной России, изобразив на страницах романа сцены избиения крепостных крестьян, надругательства над ними. Перед читателем предстала Россия эпохи Екатерины II, с ее фаворитами и стремлением к роскоши. В образе вельможи Латрона, героя «Российского Жильблаза», без труда узнавали Григория Потемкина. Реалии времени проступают со страниц третьей части, где изображена деятельность масонской ложи с ее членами: Полярным Гусем, Скорпионом, Овном, Водолеем, Большим Псом, Сириусом и др. Автор сумел не только высмеять ритуалы, раскрыть тайну посвящения в масоны, но и изобличил их в распутстве, чревоугодии, мошенничестве. Полностью роман В.Нарежного увидел свет лишь в 1956 году.

Трудности с изданием «Пересмешника» возникали и у М.Чулкова. Он печатал пять частей «Пересмешника» на кошт разных лиц. Была запрещена цензурой и никогда не увидела свет II часть «Пригожей поварихи», само же название и главная героиня вызвали порицание критиков.

Жизненный и творческий путь писателя В.Нарежного проходил вне дворянских литературных салонов Олениных, Пономаревых, открытых тогда в столице. Его жизнь прошла без почестей и богатства. Это был скромный служащий, тянувший свою лямку, мечтавший выбиться в люди. На историю жизни своего героя князя Чистякова Нарежный перенес воспоминания о своей жизни, об учебе в университете. Известно, что М.Чулков проецировал на судьбу Неоха годы своей учебы в гимназии при университете. Нарежный, как и Чулков, большую часть своей жизни вынужденные заниматься службой, добывая средства для литературной деятельности, получили известность, прежде всего, как писатели демократического направления. Если М.Чулков стал родоначальником плутовского и реально-бытового романов в России, то В.Нарежному принадлежит слава зачинателя русского реалистического романа XIX века.

Свое понимание задач романиста В.Нарежный сформулировал в предисловии к «Российскому Жилблазу»: *“вероятность, приличие, сходство описаний с природою, изображение нравов в различных состояниях и отношениях”*, *“соединить приятное с полезным”*. Автор уточняет, что *“одну и ту же вещь, одно и то же чувство, движение, желание, отвращение один называет полезными, другой — губительными, один — приятными, другой отвратительными”*, и *“спокойно предает себя свободному суждению каждого”*[5, 623].

Свой «Пересмешник» М.Чулков тоже считает *“полезным препровождением скучного времени”*, о чем сообщает читателю в Предупреждении [6, 89].

Произведения М.Чулкова и В.Нарежного близки и выбором героев – обыкновенных людей из народа. В «Пересмешнике» М.Чулкова “мелкотравчатые” герои Ладон, Монах, студент Неох и др. вызывают симпатии читателей. Бескорыстие и благородство частного маляра Ходулькина, погребщика Саввы Трифионовича, труженика Трудовского, еврейшинок Яньки противопоставлены в романе В.Нарежного жадности, подлости, жестокости деревенских богачей, попов, старост, сильных мира сего. Сюжетным стержнем «Российского Жилблaza» становятся похождения главного героя, доверчивого и простодушного бедного дворянина Гаврилы Симоновича Чистякова. Чистяков чистосердечно повествует о своих злоключениях семейству помещика Ивана Ефремовича Простакова. Эта форма рассказа дает возможность читателю представить, как все звенья государственного механизма, от будочника до светлейшего князя, способствуют угнетению и ограблению народа. Под влиянием царящего произвола, разврата, самодурства неплохой по своим задаткам князь Гаврилы Чистяков сам начинает творить беззакония и подлости, тяжесть которых когда-то испытал на себе. В.Нарежный детально показывает рост карьеры Гаврилы: сначала он выполняет работу швейцара, а потом и секретаря при вельможе Латроне, где он научился брать взятки, обманывать, притворяться, повторяя повадки своего господина.

Описывает служебные занятия Неоха у знатного господина и М.Чулков, сообщая при этом и требования к секретарю, характеризуя нравы современного ему общества: *“Ежели господин Неох по присяжной должности наблюдает чрезвычайную скромность, без которой все сие дело, даже и самое начало его, разрушиться может, и обещает не спрашивать и не выведывать о той особе, с которой он дружеское обхождение иметь будет, ни о людях,*

для того к нему присылаемых, ниже о месте, в коем свидания сии будут назначены, то сей обещает доставить ему благополучие такое, какого более господину Неоху желать уже не надобно” [8, 246]. На страницах «Пересмешника» М.Чулкова проступают и черты крепостной действительности. Жестокость помещиков, обнищание крестьян, живущих в “расчесанных деревнях”, где нельзя пожить и корочкой хлеба, разоблачаются автором в рассказе Монаха. В повести «Горькая участь» автор создал трагический образ русского пахаря, защитника, утверждая, что “государство без земледельца обойтись, так как человек без головы жить, не может” [6, 145].

В.Нарежный создает гротескный групповой портрет сильных мира сего, свидетельствующий о разложении нравов, господствующих в государстве. Главными фигурами этого портрета стали сиятельный мерзавец князь Латрон, великосветская ханжа Бывалова, развратный вельможа Ястребов, тупой самодур граф Дубинин, члены масонской ложи: “Полярный гусь” – откупщик Куроумов, “Небесный Телец” – богач граф Такалов, филантроп, “примерный барин” – Доброславов и др. Помещичий произвол и жестокость крепостной действительности особенно отчетливо проявляются в поведении князя Светлозарова — Головорезова, с упоением созерцающего драку стравленных друг с другом крепостных слуг. Он не мог налюбоваться на кровь, текущую из зубов, на волосы, летящие клоками. Недалеко ушел от него и сын Володя, который “имеет теперь двадцать лет; хорошо говорит по-французски, и несколько по-русски; двух девок сделал матерью; человекам десяти псарей выбил зубы по два и по три” [5, 530]. Эти картины близки «Путешествию из Петербурга в Москву» А.Радищева, где в главе «Зайцево» рассказано о такой же жестокой помещичьей семье. Близка «Путешествию» А.Радищева и позиция В.Нарежного по отношению к крепостному человеку, которая выразилась в словах героя: “размышляя долго и притом по всем правилам логики, заключил я, что крепостной человек есть точно человек мне подобный, имеет все преимущества души и тела, точно как и я перед другими животными, а потому бессмертную душу и свободную волю” [5, 445].

Обилие вставных новелл, побочных сюжетов, ответвлений, как и некоторая архаичность языка, роднит произведения М.Чулкова и В.Нарежного. Много общего и в композиции романов. В.Нарежный подхватывает композиционную особенность «Пересмешника» М.Чулкова: герои рассказывают сказки по вечерам. Уже первая глава романа «Российский Жилблаз» названа автором – «Вечер в деревне». Как и в «Пересмешнике», не сразу начинают сказываться истории в «Российском Жилблазе». Лишь с третьей главы приехавший Чистяков решается поведать о своей жизни семье Простакова. В свой рассказ он включает истории встреченных им героев, притчи. Все это входит в общий сюжет о жизни семьи помещика Простакова, его дочерей, их соседей и знакомых, являясь сюжетной рамкой произведения. Чтобы читатель не запутался в этих историях, автор несколько раз для связки объясняет причины, по которым исповедь Чистякова прерывается. Иногда писатель точно указывает отрезок времени, описанный героем, например, Чистяков сообщает: “Итак, я оставил уже вторую свою родину. Почти за двадцать лет назад выходил из Фалалеевки и был также нищ и печален. Там, как и здесь, лишился жены и спокойствия. Но тогда я был молод...” [5, 524]. Или же герой обращается к друзьям с самохарактеристикой: “Вы видели меня с юношества до пожилых лет возраста; видели врожденные и приобретенные пороки и добродетели; видели наверху счастья — и мгновенно в бездне злополучия. Из примера моего научись, сын, что поступки наши, сообразующиеся более движениями сердца, нежели внушениями рассудка и совести, никогда не будут правильны” [5, 571].

У М.Чулкова в «Пересмешнике» тоже можно выделить связки. Он использует повторяющиеся сюжеты и образы, заканчивает рассказ Ладона сообщением о том, кто будет говорить далее.

Близость волшебному пласту «Пересмешника» находим и в четвертой части романа В.Нарежного, где Чистяков встречается с героями, совершающими подвиги ради прекрасных дам: они участвуют в поединках, проникают ради возлюбленных в замок. Их истории со счастливым концом тоже напоминают волшебные сказки. В структуре всего романа они занимают четыре последние главы четвертой части и первую главу пятой, а все вместе являются вставной повестью. В жанровом плане это произведение можно назвать плутовской повестью,

так как налицо есть основные ее черты. Герои родились в богатых семьях. Судьба заставила их неоднократно менять место жительства, род занятий, превратив в пикаро. *“Попеременно бывал я парикмахером, бородобреем, аббатом, трактирным лакеем, лавочником, маркизом, оставившим отечество по несчастным случаям, дрессировщиком собак, наставником в модных пансионах, — везде неудача! Я переменял города и деревни, везде совался и находил везде одно и то же. Или я сам отходил, или меня выгоняли. Наконец, счастливая здезда моя воссияла. В Киеве сделался я подносчиком напитков в немецком клубе”*, [5, 454] — рассказывает о себе француз. Но эту характеристику жизни можно применить и к другим героям: испанцу, поляку, нищему Пахому, так как все они испытали превратности судьбы плута. Это и жизнь испанца, прошедшего через суд инквизиции; и обедневшего шляхтича, мстившего за честь семьи и смерть отца, история незаконнорожденного сына дворянина Любимова; вся биография француза, начиная с его рождения и воспитания, когда он *“старался болтать, сколько можно больше и вольнее, играть на некоторых инструментах, петь, танцевать и биться на шпагах”* [5, 451]. Все они объединены общим замыслом: узнать, кто такой этот нищий и помочь ему освободить из замка возлюбленную Софью и ребенка, которые находились там пять лет. Но поскольку эту повесть рассказывает Чистяков, принимавший участие в главных событиях, она логично входит в роман, расширяя представления читателя о нравах, царивших в Испании, Франции и Польше.

Автор сознательно изображает человеческие дурачества с превращением нищего калеки в статного молодца, с поединками без пострадавших, ссорами, доходящими до скандалов и драк, с тайными похищениями невест и т. д. Все истории своих героев автор неоднократно называет “дурачествами”. В.Нарежный старается развлечь читателя, видя в этом тоже пользу своей книги. Это напоминает установку М.Чулкова, создавшего «Пересмешник» для тех, кто умеет смеяться над собой, а не только над другими, так как *“человек - животное смешное и смеющееся”*. Уже в этой вставной повести В.Нарежного можно найти страницы, близкие по стилю М.Чулкову, описавшему чудачества Балабана: *“Сражение до тех пор продолжалось, пока монах, совсем обессилив и запутавшись в рясе, не повалился на пол с сильным стуком и кряхтеньем. Мать моя, пришедшая от падения сего в чувство, открыла глаза и, увидя духовника всего в багряных пятнах и кровь, текущую со лба, вскочила, закричала, и, прежде нежели отец мой успел и на нее поднять отмстительные четки, она подбежала к нему, цапнула в усы и, скрывя зубами, начала рвать со всей силы”* [5, 444].

Дурачества Балабана, превратившие его “в плешивого скомороха”, закончились тем, что за обедом ученая сорока *“долбанула его раза два, три очень исправно в глупую столицу плешивого его разума”* [6, 106].

Близки “Российскому Жилблазу” эпизоды из “Сказки о рождении тафтяной мушки” М.Чулкова. Встречи героев с лакеями знатных женщин совпадают в деталях. В обоих произведениях герои встречают слугу, находясь в бедственном положении. В эпизодах обоих романов встречаются и Незнакомка, и Невидимка. Именно благодаря встрече с Незнакомкой резко меняется судьба Неоха и Гаврилы Чистякова.

Наследуя традиции любовно-авантюрного романа, М.Чулков и В.Нарежный вводят образ женщины-невидимки. Невидимкой становится тайная любовница князя Гаврилы, которая целый год приходила к нему ночью. Невидимки в произведении В.Нарежного — это и женщины, играющие роль нимф в масонской ложе: Ликориса, Феломена, Лавиния. И хотя в масках находятся члены братства каменщиков, именно женщины окружены тайной: увидеть их можно лишь ночью, у каждой из них своя роль, сценическое имя и трагическая судьба. Встреча Ликорисы с Чистяковым стала роковой. Их любовь, пройдя все испытания, заканчивается браком, но он длился недолго.

Невидимка у М.Чулкова — дочь богатого боярина Лелия. Она скрывает свое лицо под маской от возлюбленного. Здесь нет тайны, это признак любовной игры, стремление привлечь возлюбленного Неоха. Студент Неох принимает правила игры, и, чтобы узнать красавицу на балу, помечает на ее щеке мушку адским камнем. История их любви тоже заканчивается благополучно. Государь помогает Неоху получить место, стать боярином и жениться на Лелии.

Через весь роман В.Нарежного проходит тема продажи любви и образ падшей

женщины, ставшей жертвой обстоятельств в обществе, где женщина бесправна. Первым остро поднял эту тему М.Чулков в «Пригожей поварихе», хотя отдельные отзвуки ее можно найти и в «Пересмешнике», прежде всего в «Сказке о рождении тафтяной мушки». Здесь автор доказывает, что торговать собой способны и простолюдинки, и купчихи, и дворянки. Как бы оправдывая поведение Мартоны – героини романа «Пригожая повариха», М.Чулков показывает деятельность купеческой жены. Она была дочерью богатого дворянина, необычайно красива, *“из тех женщин, которые сочиняют романы и пишут предуведомления к оным стихами, чего ради собиралось к ней множество остроумных молодых людей...”* [8, 183]. Дом этой купчихи стал домом разврата, где продавалась и покупалась любовь. На страницах романа «Российский Жилблз» автор выводит образ французенки госпожи Амурез, которая *“промышляла самым прибыточным товаром”*..., *“скупала маленьких девочек, обучала их разным наукам, музыке, пению, танцеванию, ... поторговав довольно времени их прелестями, продавала в рабство старым богатым сатирам”* [5, 483]. К ней в рабство попадает и Фекла — первая жена Гаврилы Чистякова. История Феклуши – это рассказ о том, как деревенская женщина превратилась в содержанку князя Светлозарова. А потом в весталку Фиону, актрису – любовницу Латрона, Лавинию – нимфу *“дома просвещения”*.

В романе несколько раз пересекаются жизненные истории Чистякова и Феклуши. Рассказывая о ней Простаковым, Чистяков сообщает о свадьбе, рождении сына, измене жены, о похищении ребенка. Встретившись, они стараются помочь друг другу в трудную минуту. Читатель становится свидетелем постепенного нравственного падения Феклы - Лавинии. Но замысел автора заключается в изображении женщины, способной очиститься, изменить свою жизнь. Истории падших женщин, изображенных в романе, – Феклуши, Ликорисы, Марии, Надежды, Лизы носят исповедальный характер. Героини способны измениться, бросить свое ремесло, способны полюбить и очиститься благодаря этому высокому чувству. Эта исповедальность, суровая оценка своей прежней жизни, роднит героинь В.Нарежного с историей Мартоны.

Одной из важных в «Пересмешнике» стала тема воспитания в дворянской семье. В век Просвещения эта тема была главной в романах. Но М.Чулков не идет по пути просветительских романов, отказывается от назидательности, изображая результаты уродливого воспитания. Его герои: ветреница Аленона, развлекающаяся после смерти родителей; Володимира, желающая убить отца и нанимающая для этой цели Неоха; дорьянский сын, способный погубить отца из-за наследства («Скупой и вор»); сын винного компанейщика, столкнувшийся с голубятни («Дьявол и отчаянный любовник»); потерявший уважение к своим родителям Ладон и мн. др. – свидетельствуют о моральном кризисе, отсутствие воспитательного воздействия в семьях. Эта тема волновала и В.Нарежного. В «Российском Жилблазе» читатель знакомится с воспитанием в семьях Простаковых, Прочудиных, Трудовых. Читатель видит, как огорчаются отцы, отдавшие своих дочерей в пансион: *“дочери мои не знали бы говорить по-французски, не читали бы в подлиннике “Альзиры”, “Андромахи”, “Генриады”, но также и “Терезии Философки”, “Орлеанской девственницы”, “Дщери удовольствия” и прочих беспутных сочинений, делающих стыд веку и народу”* [5, 222]. Но если Простаков заботится о нравственности своих дочерей, то генеральша огорчена тем, что воспитание в монастыре превратило дочь в неотесанную куклу, нелюдимку, не умеющую флиртовать с кавалерами. *“Если бы я знала, что такие несчастные следствия выйдут из воспитания в монастыре, никогда бы эту статую туда не отдавала”*, [5, 536] – делает она вывод. Автор показывает нарушение всех моральных, гражданских, человеческих традиций в семьях помещиков - крепостников, воспитывающих детей по своему образу и подобию: сын издевается над крестьянами, как и отец, делает свою карьеру благодаря связям родителя. *“Вот два примера наилучшего воспитания. Отец спорит с сыном о первенстве в приобретении какой-нибудь распутницы, а мать, — о боже, как гром твой не поразит ее”* [5, 437], распутничает на глазах у дочери, обучая ее флирту, — пишет В.Нарежный.

И М.Чулков, и В.Нарежный на страницах своих произведений ведут полемику о значении романа и о характере писательской деятельности. Это оправданно, так как М.Чулков творил в период утверждения романа как полезного жанра. Создав “низовой” роман, он противопоставил его любовно-авантюжному и просветительскому роману с его

дидактичностью. В.Нарежный стал родоначальником реалистического романа. Он стремился отделить свое произведение и от хорошо известных “пустыньких романцев” – «Модная лавка», «Новый Стерн», переведенных с французского языка, “*которыми наполнены книжные лавки*” [5, 48], и от «Жилблаза» Лесажа.

На старницах «Российского Жилблаза» находим пародийные образы сочинителей, стремящихся подражать модным западным писателям. Яков Голяков вознамерился написать трагедию, чтобы “*обессмертить свое имя и тем оказать важную услугу своей фамилии, месту рождения, отечеству, веку, всей вселенной*” [5, 363]. Его деятельность, особенно попытка театрализации по ночам, привела к тому, что окружающие приняли его за сумасшедшего.

Образ Якова Голякова можно рассматривать как литературное продолжение “*стихоткрапающего*” Балабана, созданного М.Чулковым в первых десяти главах «Пересмешника». Этот герой объяснялся в любви стихами, так как “*ненавидел он прозу смертельно и не умел совсем ею изъясняться, а стихами говорить не мог, хотя и был до них превеликий охотник*” [6, 124]. Приведа две сатиры, М.Чулков тут же объясняет, что Балабан “*вздумал писать комедии и сочинил одну в четырех действиях по своему расположению*” [6, 126].

Пытается стать сочинителем и князь Чистяков. Нарежный подробно описывает его творческое состояние, его желание выбрать произведение, которому можно было бы подражать. Есть лишь произведения, где “*необъятные дарования, неисчерпаемое воображение, парящая пылкость*” переплетаются со вздором и нелепостями. Он анализирует трагедии, как древние, в “*которых никогда не находил того, чего искало сердце*” [5, 369], так и новейшие французские, представляющиеся “*узкими, мелкими лодками, на коих чучелы Ахиллесов, Агамемнонов, Гекторов, Александров и Кесарей плывут по пузырящемуся ручью, одеты будучи в шитые камергерские кафтаны, с кошельками на косах, в париках ХУП века*”. Английские и немецкие трагедии “*большою частью похожи на пространную долину, коей взор обнять не может*” [5, 369]. Не подходит Чистякову и комедия, так как “*сей род театральных сочинений наводнил целую вселенную*”, настоящая комедия, которая “*исправляла бы нравы, а не развращала*” была бы освистана “*при первом представлении*” [5, 370]. Так автор знакомит читателя со своим взглядом на традиционные жанры классицизма, а вместе с критикой дается характеристика литературной жизни России, состояния театров, читательского и зрительского вкуса.

Чистяков понимает, что быть писателем – значит приносить пользу обществу. Размышления героя Нарежного о писательском труде переключаются с Предупреждением к «Пересмешнику». “*Я стараюсь быть писателем, если только когда-нибудь мне это удастся, и все мое желание основано на этом; и как сие еще первый труд, то не осмелился я приняться за важную матерю, потому что вдруг не можно мне быть обо всем сведущу, а со временем, может быть, получу сие счастье, что назовут меня сочинителем; и когда я снущу сие имя, то надобно, чтоб разум мой уже просветился ...*” [6, 90], — сообщает М.Чулков. От I части к V «Пересмешника» растет мастерство писателя, он становится уже сведущ во многих материях, поднимает социальные проблемы, острее становится перо его сатиры.

Называя В.Нарежного “второстепенным писателем”, Д.Дюришин подчеркивает, что “его романы «Аристион, или Перевоспитание», «Бурсак», «Два Ивана, или Страсть к тяжбам» тематикой и образами героев во многом предвосхитили появление выдающихся произведений Гоголя, персонажей «Мертвых душ», «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Тараса Бульбы» и др.» [3, 214]. Согласимся с исследователем, что именно творчество второстепенного писателя способно “прямолинейно” отражать межлитературные “связи и схождения как в рамках национального, так и международного литературного контекста” [3, 214]. Применив компаративный подход к анализу творчества писателей разных литературных эпох М.Чулкова и В.Нарежного, мы проследили переключку тем, образов, мотивов, сюжетных построений, возникших в процессе межлитературных влияний и, следовательно, можем говорить о наличии литературной традиции. М.Чулков в «Пересмешнике» сумел затронуть темы и идеи, которые являются вечными и поэтому неисчерпаемы и сегодня. В этом его заслуга как первооткрывателя. В.Нарежный на новом уровне развития литературы творчески осмыслил наследие М.Чулкова, сделав его современным для читателя начала XIX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В.Г. Воспоминания Фаддея Булгарина. Две части // Полн. собр. соч.: В 13 т. – М., 1955. — Т.9.
2. Бушмин А.С. Преемственность в развитии литературы. – Л., 1978.
3. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М., 1979.
4. Назарова Л.Н. Русский роман первой четверти XIX века. От сентиментальной повести к роману // История русского романа: В 2 т. — М.- Л., 1962. — Т.1.
5. Нарезный В.Т. Избр. соч.: В 2 т. — М., 1956. – Т.1.
6. Чулков М.Д. Пересмешник, или Славенские сказки // Русская проза XVIII века. — М., 1950.
7. Чулков М.Д. Пригожая повариха // Русская проза XVIII века. – М., 1950.
8. Чулков М.Д. Сказка о рождении тафтяной мушки // Пересмешник. – М., 1987.